

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2018-7-1.36>

Пилатова Валентина Николаевна

БЕССМЫСЛЕННЫЕ СЛОВА, ИЛИ ИНФОРМАЦИОННЫЙ ШУМ: АСПЕКТ ВОСПРИЯТИЯ

Тема статьи связана с проблемой восприятия чужой речи. Новизна работы заключается в том, что впервые выявлены признаки формального диалогического общения незаинтересованных лиц. Высказывается гипотеза о том, что извлечение смысла из чьих-то слов возможно только в условиях интенсивного переживания по отношению к ним. В противном случае те же слова превращаются в информационный шум и становятся формальными, бессмысленными для слушателя. С помощью примененного к изучаемым диалогам метода дискурсивного анализа удалось определить, что бессмысленные слова являются следствием отсутствия какой-либо мотивации в ходе восприятия чужих слов. Результаты проведенного исследования состоят в определении ментального механизма данного положения дел: безучастное общение обусловлено духовно-нравственным выбором реципиента.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2018/7-1/36.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2018. № 7(85). Ч. 1. С. 164-168. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2018/7-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

УДК 81-22

Дата поступления рукописи: 25.03.2018

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2018-7-1.36>

Тема статьи связана с проблемой восприятия чужой речи. Новизна работы заключается в том, что впервые выявлены признаки формального диалогического общения незаинтересованных лиц. Высказывается гипотеза о том, что извлечение смысла из чьих-то слов возможно только в условиях интенсивного переживания по отношению к ним. В противном случае те же слова превращаются в информационный шум и становятся формальными, бессмысленными для слушателя. С помощью примененного к изучаемым диалогам метода дискурсивного анализа удалось определить, что бессмысленные слова являются следствием отсутствия какой-либо мотивации в ходе восприятия чужих слов. Результаты проведенного исследования состоят в определении ментального механизма данного положения дел: безучастное общение обусловлено духовно-нравственным выбором реципиента.

Ключевые слова и фразы: бессмысленные слова; информационный шум; мотивирующая сфера сознания; состояние рассеяния; интенсивность переживания; границы понимания.

Пилатова Валентина Николаевна, к. филол. н.
Санкт-Петербургский государственный университет
pilatova_vn@mail.ru

БЕССМЫСЛЕННЫЕ СЛОВА, ИЛИ ИНФОРМАЦИОННЫЙ ШУМ: АСПЕКТ ВОСПРИЯТИЯ

Обман в том, что мы не воспринимаем сущее.

Фридрих Ницше

Вопрос об условиях появления мысли, затрагиваемый нами в данной работе, является основным в когнитологии – современном направлении гуманитарного знания. Полагаем, что обратная ситуация – условия, при которых мысль появиться не может, – тоже актуальна и заслуживает внимания специалистов.

Наблюдение за диалогами равнодушных по отношению друг к другу людей позволяет нам высказать следующее предположение: следствием безучастного разговора является псевдиалог – бессмысленное общение, или информационный шум. Дальнейшее наше рассуждение посвящено доказательству этой гипотезы. Наша цель – обосновать тот факт, что характер отклика на чужие слова обусловлен духовно-нравственными ориентирами человека.

Для достижения поставленной цели считаем необходимым решить следующие задачи: обосновать правомочность использования термина «бессмысленные слова» для обозначения не мотивирующих слушателя высказываний собеседника; проанализировать примеры употребления псевдиалогических реплик в художественной литературе; выявить причины существования безучастного общения между людьми. Речь идет о ситуациях, когда люди, слушают слова друг друга, но в действительности не слышат их суть.

Мы вводим термин «бессмысленные слова» для обозначения коммуникативной речевой единицы, которая не находит отклик в душе собеседника. Исследованные методом когнитивного анализа диалоги приводят нас к мысли о том, что причина существования псевдообщения между людьми – несовпадение духовных миров собеседников. Этот тезис составляет новизну нашей работы. Полагаем, что исследование влияния мотивирующей сферы сознания человека на диалог найдет практическое применение в дальнейших теоретических разработках теории коммуникации и понимания.

Прежде чем дать определение бессмысленным словам, обратимся к определению их положительной противоположности – смысла, или мысли. Для этого изучим воззрения наших глубокоуважаемых предшественников на этот счет. Мы обращаемся к трудам тех ученых, которые дифференцируют значение и смысл. Под значением языкового выражения понимается предмет, явление, которое обозначает или называет лингвистическая единица. Смысл языкового выражения – это его мысленное содержание, определяющееся рассуждением отдельного человека, его желаниями, устремлениями, личными целями и мотивами.

Пытаясь дать определение вышеупомянутому термину, А. И. Варшавская приходит к выводу о том, что «смысл нельзя определить, его можно только понять» [2, с. 211]. «Смысл высекается как искра при контакте познающего с познаваемым, языка с миром, слова с вещью» [Там же, с. 308]. Причина сложности определения смысла, с нашей точки зрения, – в его индивидуальном характере. Разные люди в одном и том же явлении видят разные смыслы.

Н. Д. Арутюнова полагает, что «одному и тому же объекту может быть приписано бесконечное количество смыслов» [1, с. 377]. Объект принадлежит миру, а смысл – мышлению о мире. Заметим также, что объект действительности может остаться без внимания мыслящего субъекта, и тогда смысла не будет.

Б. М. Лейкина пишет, что осмысление речи является результатом взаимодействия языковых и неязыковых знаний слушателя. Она обращает внимание на существование «надязыкового значения текста» [5, с. 98]. Речь идет о содержании, которое вкладывает в данный текст автор. Хочется добавить, что это относится и к читателю: при восприятии текста в него неизбежно привносится определенное субъективное понимание реципиента.

А. А. Филиппова отмечает тот факт, что границы понимания значений слов не являются фиксированными. Речь автора иногда приобретает дополнительный оригинальный смысл, который может стать даже ключевым в тексте. «Индивидуально-авторские смыслы» возникают в результате трансформации общекультурных и национальных концептов под влиянием особенностей мировоззрения говорящего [10, с. 254]. Это происходит потому, что речевые единицы обладают потенциалом к семантическому развитию, а качество и вектор этого развития зависят от самобытности отдельного человека.

В работах Л. С. Выготского мы находим убедительное, с нашей точки зрения, определение смысла. Под смыслом он понимает совокупность всех психологических фактов, возникающих в нашем сознании благодаря слову. Рациональное, логическое мышление нельзя отрывать от побуждений, интересов, влечений человека, эмоций. Мысль рождается не из другой мысли, а из мотивирующей сферы нашего сознания [3]. Из этого определения следует, что существует подвижная смысловая система, представляющая собой единство аффективных и интеллектуальных процессов. Анализ мышления предполагает вскрытие движущих мотивов мысли.

«...читать тексты и рассуждать о них имеет смысл только тогда, когда ты не наполняешь себя догматической ученостью, а восстанавливаешь живую сторону мысли, из-за которой они создавались», – говорит М. К. Мамардашвили [7, с. 9]. Понимание – это «состояние, характеризующееся интенсивностью переживания» [Там же, с. 19]. «То, что мы воспринимаем, что фиксируется нашими чувствами, – это то, что существует», – считает ученый [Там же, с. 265]. Иными словами, без интенсивного переживания, без чувственного восприятия нет понимания смысла.

Что же тогда остается от текста в нашем безучастном восприятии, когда мы не стремимся восстановить живую сторону мысли? Скука, дежурный этикет? Остаются, очевидно, лишь слова, не наполненные смыслом. От них один только информационный шум [6].

Проверим истинность изложенных теоретических положений на практике. Для этого обратимся к псевдидиалогам, взятым из художественных произведений. Псевдидиалоги – это разговор незаинтересованных в общении лиц, в которых наличествует интертекстуальность, но подлинная диалогичность отсутствует [8].

Нижеприведенный отрывок из пьесы Г. Пинтера представляет собой разговор между мужем и женой, которые регулярно принимают постояльцев в свой дом и тем самым зарабатывают себе на жизнь. Только что на их глазах один из гостей почувствовал себя плохо, так что его пришлось увезти на машине за помощью.

(1) MEG. *The car's gone.*

PETEY. *Yes.*

MEG. *Have they gone?*

PETEY. *Yes.*

MEG. *Won't they be in for lunch?*

PETEY. *No.*

MEG. *Oh, what a shame. It's hot out. What are you doing?*

PETEY. *Reading.*

MEG. *Is it good?*

PETEY. *All right.*

MEG. *Where's Stan? Is Stan down yet, Petey?*

PETEY. *No... he's [12, p. 86]... /*

МЭГ. *Машина уехала.*

ПЕТЭЙ. *Да.*

МЭГ. *Они уехали?*

ПЕТЭЙ. *Да.*

МЭГ. *Их не будет на ланче?*

ПЕТЭЙ. *Нет.*

МЭГ. *А, жаль. Жарко на улице. Что ты делаешь?*

ПЕТЭЙ. *Читаю.*

МЭГ. *Интересно?*

ПЕТЭЙ. *Нормально.*

МЭГ. *Где Стэн? Стэн еще не спустился, Петэй?*

ПЕТЭЙ. *Нет... он... (здесь и далее перевод автора статьи. – В. П.).*

Петэй явно не вдаётся в детали личной жизни временных гостей, тем более что постояльцы часто меняются. Краткие и однозначные ответные реплики мужа демонстрируют его равнодушие не только к происходящему, но и к вопросам его супруги. Он бы предпочел, чтобы этих вопросов вообще не было. Петэй понимает значение слов жены, но не чувствует, какой смысл стоит за этими значениями. Его ответы логичны, они построены по правилам коммуникации, но, по сути, они представляют собой лишь формальные слова.

Как и ее муж, Мэг была свидетельницей отъезда гостей. Она видит, что ее муж читает и что Стэн точно не спустился в гостиную. Поэтому на ее вопросы ответы как таковые ей не требуются, она сама их точно знает. Однако Мэг не просто болтлива. Ее волнует причина плохого самочувствия увезенного куда-то на машине гостя. В основе нелепого поведения Мэг лежит беспокойство по поводу происходящего.

Петэй не разделяет волнения супруги. Скорее всего, он эмоционально скуп или вообще несостоятелен. Для него в репликах Мэг нет никакого смысла. Есть лишь какая-то ненужная словесная суета. Тем не менее ни Петэй, ни Мэг раздражение не показывают и в конфликт не вступают. Очевидно, есть какие-то другие важные вещи в жизни, которые удерживают их вместе.

Теперь обратимся к эпизоду из романа К. Исигуро «Остаток дня». В нем повествуется о том, как мисс Кентон, работающая в большом имении в качестве прислуги, заходит в комнату, в которой проживает дворецкий Стивенс. Неожиданно для него мисс Кентон вносит большую вазу с цветами, и между ними происходит следующий разговор.

(2) *'Mr Stevens, I thought it would brighten your parlour a little.'*

'I beg your pardon, Miss Kenton?'

'It seemed such a pity your room should be so dark and cold, Mr Stevens, when it's such bright sunshine outside. I thought these would enliven things a little.'

'That's very kind of you, Miss Kenton.'

'It's a shame more sun doesn't get in here. The walls are even a little damp, are they not, Mr Stevens?'

I turned back to my accounts [11, p. 54]... /

– *Мистер Стивенс, я подумала, что это немного украсит вашу скромную гостиную.*

– *Простите, мисс Кентон?*

– *Почему Ваша комната должна быть, увы, такой темной и холодной, мистер Стивенс, когда на улице так ярко светит солнце! Я подумала, что это немного все здесь оживит.*

– *Вы очень добры, мисс Кентон.*

– *Жаль, что сюда не проникает больше света. Даже стены немного отсырели, не так ли, мистер Стивенс?*

Я вернулся к своим бумагам...

Для Стивенса, который был занят работой с бухгалтерскими счетами, появление гостя оказалось нежелательным. Ему удобно, чтобы его жилье было приспособлено под рабочий кабинет и чтобы никакие вазы не отвлекали внимание. И вообще он предпочитает, чтобы в его личные покои не приходили коллеги по работе без предупреждения. Понятливый, разумный дворецкий не заинтересован в более теплом общении с симпатизирующей ему дамой: смысл ее действий не трогает его сердце.

Однако, общаясь с назойливой Мисс Кентон, Стивенс вынужден соблюдать этикет, помня о профессиональной целесообразности. Ее речи о цветах и сырой комнате не трогают его. Стивенс понимает добрые намерения гостя, но лучше бы она не отвлекала его пустыми разговорами.

Стивенс имеет право на такую реакцию. Однако, если бы он был более внимательным по отношению к другим людям и менее сосредоточенным на своих личных планах, Стивенс мог бы повести себя в сложившейся ситуации более благородно. Например, была бы вполне уместна более искренняя форма благодарности за оказанную заботу со стороны мисс Кентон. Благодаря замечаниям Кентон Стивенсу, пожалуй, представился повод взглянуть на свой быт другими глазами. Однако он этого не делает, и это его законный выбор. Все происходит в рамках норм британского этикета.

Обратимся к следующему примеру, взятому из романа Л. Н. Толстого «Анна Каренина».

Заметив неловкое положение князя Алексея Александровича Каренина из-за невнимательного отношения к нему со стороны супруги во время светского приема, хозяйка салона – княгиня Бетси – подходит к Анне и делает комплимент в отношении ее мужа.

(3) – *Я всегда удивляюсь ясности и точности выражений Вашего мужа, – сказала она. – Самые трансцендентные понятия становятся мне доступны, когда он говорит.*

– *О да! – сказала Анна, сияя улыбкой счастья и не понимая ни одного слова из того, что говорила ей Бетси [9, с. 151].*

Читатель романа знает, что Анна Каренина сияет улыбкой счастья не в ответ на лестные слова, произнесенные в адрес ее мужа. Счастливой ее делает присутствие Вронского, возможность видеть его, говорить с ним. Анна хочет думать только о нем, а все постороннее ей только мешает. Она даже не понимает смысл тех слов, которые произносит княгиня.

До этого момента Алексей Александрович в своих мыслях и поступках был абсолютно добр и благороден по отношению к своей жене. Казалось бы, Анне Аркадьевне следовало бы это ценить или, по крайней мере, помнить. Однако вектор ее чувств обращен к достойному супругу обратной стороной. Это ее право, но неприятный осадок после этого эпизода у читателя остается. Это происходит из-за того, что сложившиеся моральные нормы в данном случае подверглись нарушению: оскорблен невинный человек.

Последний пример, к которому мы обращаемся в нашей статье, представляет собой фрагмент текста из романа И. А. Гончарова «Обломов».

Волков, молодой щеголь, наносит утренний визит Обломову. В своих рассказах о балах, приемах, балетных представлениях, которыми наполнена его жизнь, неутомимый Волков не может остановиться. Ему непонятно, почему Илья Ильич нигде не бывает.

(4) – *А не хотите ли со мной есть устриц? <...> Поедемте, Миша угощает.*

– *Нет, Бог с вами! – говорил Обломов.*

<...>

– *А новые lacets! Видите, как отлично стягивает: не мучишься над пуговкой два часа; потянул шнурочек – и готово. Это только что из Парижа. Хотите, привезу Вам на пробу пару?*

– *Хорошо, привезите! – говорил Обломов.*

– *А посмотрите это: не правда ли, очень мило? – говорил он, отыскав в куче брелок один, – визитная карточка с загнутым углом.*

– *Не разберу, что написано [4, с. 12].*

Как видим, Илья Ильич не хочет ехать в гости, чтобы есть устриц. Модные шнурки и прочие французские штучки не вызывают в нем восторг. Илья Ильич рад гостю, но ему хотелось бы поговорить о другом – о том, о чем не хочет говорить Волков. Разговор на светскую тему Илья Ильич поддерживает лишь из вежливости. Подобные не трогающие душу слова собеседника мы называем информационным шумом, формальным способом общения, не мотивирующими слушателя высказываниями.

Далее И. А. Гончаров описывает размышления Обломова о только что отъехавшем госте.

«В десять мест в один день – несчастный! – думал Обломов. – И это жизнь! – Он сильно пожал плечами. – Где же тут человек? На что он раздробляется и рассыпается? <...> Несчастный!» – заключил он, перевертываясь на спину и радуясь, что нет у него таких пустых желаний и мыслей, что он не мыкается, а лежит вот тут, сохраняя свое человеческое достоинство и свой покой [Там же, с. 12, 13].

Можно спорить, прав Обломов в своих мыслях или нет, но бесспорным является то, что он имеет право на индифферентное отношение к многочисленным мелким радостям его знакомого. Обломов знает культурный код общества, к которому он принадлежит, но данная система ценностей не вызывает у него вдохновения. Многое из принятых вещей кажется ему напрасной тратой времени и сил. Однако Илья Ильич не готов порвать со своим окружением, поэтому он лишь дипломатично отстраняется от круга своих знакомых.

Заметим, что псевдиалог является результатом того состояния человека, когда им движет преимущественно рациональная сторона мышления. Он знает культурные традиции коллектива и соблюдает принятые в нем правила поведения. При этом мотивирующая сфера его сознания остается в пассивном состоянии по отношению к обращенным к нему словам. Они не находят отклик в его душе. Адресованные такому слушателю речи превращаются в пустой звук, отнимают энергию и ограничивают его естество.

Мысль при общении может появиться только тогда, когда человек испытывает чувство по отношению к словам собеседника. Переживание по поводу услышанного является условием обретения диалогичности во время беседы. Форму проявления чувств мы можем регулировать. Но возникновение чувств и переживаний по поводу происходящего вокруг нас – явление, трудно управляемое. Причина этого обстоятельства кроется в том, что чувства принадлежат интуитивной (спонтанной) стороне познавательной деятельности человека. Кроме того, чувства собеседника обусловлены его самобытностью, ментальностью. Чувства разных людей не всегда совпадают.

С нашей точки зрения, едва ли псевдиалог можно отнести к ситуации, которую в прагматике принято называть коммуникативной неудачей. Напомним, что под коммуникативной неудачей понимается результат несоблюдения рекомендованных правил при общении. В нашем случае правила общения соблюдаются: реплики вполне вежливые, вопросы не остаются без ответа. Полагаем, что в основании изучаемой проблемы лежит не столько коммуникативный фактор, сколько когнитивный. Речь идет о духовных качествах слушателя – его мировоззренческих позициях и нравственных убеждениях.

Приняв во внимание теоретические предпосылки изучаемого вопроса и результаты анализа примеров, можно сделать следующее обобщение: в условиях нашего безучастного отношения к собеседнику в ходе общения его слова кажутся нам бессмысленными и воспринимаются как информационный шум. Они не имеют ценности для воспринимающего, не соответствуют его интересам. Значение таких слов декодируется при восприятии, а смысл остается непрочтенным. Подобный разговор можно охарактеризовать как псевдиалог – рассеянный обмен репликами в условиях отсутствия мотивации к человеческому контакту. Люди имеют право сделать выбор в пользу отстраненного отношения к происходящему, которое их не волнует. Характер этого выбора обусловлен личностной системой духовных ценностей.

Итак, для обозначения не мотивирующих слушателя высказываний собеседника правомочно использовать термин «бессмысленные слова», или «информационный шум», поскольку в их семантике заложена характеристика исследуемого нами в данной работе безучастного общения между людьми. Причина существования безучастного отношения к словам собеседника – несовпадение системы ценностей участников разговора.

Список источников

1. Арутюнова Н. Д. Предложение и его смысл. Логико-семантические проблемы. М.: Наука, 1976. 383 с.
2. Варшавская А. И. Языковые единицы и отношения совместности. СПб.: Издательство СПбГУ, 2008. 326 с.
3. Выготский Л. С. Мышление и речь. М.: АСТ; Астрель, 2011. 640 с.
4. Гончаров И. А. Обломов: роман в 4-х ч. М.: Художественная литература, 1979. 238 с.
5. Лейкина Б. М. К проблеме взаимодействия языковых и неязыковых знаний при осмыслении речи // Лингвистические проблемы функционального моделирования речевой деятельности. Л.: Издательство ЛГУ, 1974. Вып. 2. С. 97-109.
6. Логман Ю. М. Семиосфера. СПб.: Искусство-СПб, 2000. 704 с.
7. Мамардашвили М. К. Лекции по античной философии. СПб.: Азбука, 2012. 316 с.
8. Пилатова В. Н. Псевдиалог как форма общения // Материалы XLI Международной филологической конференции. Секция грамматики (романо-германский цикл): сборник научных трудов. СПб.: Издательство СПбГУ, 2012. Вып. 16. С. 61-67.
9. Толстой Л. Н. Анна Каренина. М.: Художественная литература, 1985. 766 с.
10. Филиппова А. А. Ключевые смыслы раннего поэтического дискурса Елисаветы Багряны // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2018. № 3 (81). Ч. 2. С. 254-258.
11. Ishiguro K. The Remains of the Day. L.: Faber and Faber, 2005. 258 p.
12. Pinter H. The Birthday Party. L.: Faber and Faber, 1991. 87 p.

MEANINGLESS WORDS, OR INFORMATION NOISE: PERCEPTION ASPECT

Pilatova Valentina Nikolaevna, Ph. D. in Philology
Saint Petersburg University
pilatova_vn@mail.ru

The subject of the article is connected with the problem of perception of someone else's speech. The novelty of the work is that for the first time the features of the formal dialogical communication of disinterested persons are revealed. It is hypothesized that the extraction of meaning from someone's words is possible only in conditions of intense experience in relation to them. Otherwise, the same words turn into information noise and become formal, meaningless for the listener. With the help of the method of discursive analysis applied to the dialogues under study, the author determines that meaningless words are the consequence of the absence of any motivation in the course of perception of other people's words. The results of the conducted research consist in determining the mental mechanism of this state of affairs: indifferent communication is conditioned by the spiritual and moral choice of the recipient.

Key words and phrases: meaningless words; information noise; motivating sphere of consciousness; state of scattering; intensity of experience; boundaries of understanding.

УДК 81-119

Дата поступления рукописи: 27.03.2018

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2018-7-1.37>

В статье рассматриваются этикетные речевые знаки, которые использовали авторы фронтовых писем времён Великой Отечественной войны. Приведенный анализ этих знаков является частью исследования, посвященного изучению коллективной языковой личности комбатанта. Получены выводы о том, что для эпистолярной речи языковой личности комбатанта характерны одновременное обращение к нескольким адресатам, цепочки этикетных речевых знаков и формальная плеонастичность знаков разных тематических групп, обусловленные как экстралингвистическими факторами создания текста, так и психологическими особенностями личности на фронте.

Ключевые слова и фразы: языковая личность; коллективная языковая личность; языковая личность комбатанта; фронтовое письмо; речевой этикет; этикетный речевой знак.

Старостин Константин Александрович
Сибирский федеральный университет, г. Красноярск
kostyastarostin@yandex.ru

ЭТИКЕТНЫЕ РЕЧЕВЫЕ ЗНАКИ В ПИСЬМАХ С ФРОНТА

Речевой этикет в эпистолярном наследии уже становился предметом лингвистических исследований. Существуют публикации, посвященные анализу этикетных формул в письмах к друзьям русской творческой интеллигенции начала XX века [5], а также эволюции русского речевого этикета на материале художественной литературы XIX-XXI веков [2]. Фронтовые письма участников разных войн как объект внимания историков [3; 4] и лингвистов [7; 17] извлекались из тематических книжных изданий, интернет-ресурсов, где конкретные ссылки и указание на авторство писем часто отсутствуют [7; 21]. Однако работы, посвященные этикету писем времён Великой Отечественной войны, нам неизвестны. Эпистолярный стиль того времени рассматривается либо на материале эпистолярного романа [12], либо жанра «письма властителю» [16]. Таким образом, актуальность исследования обусловлена: недостаточной изученностью речевого этикета солдатских писем времён Великой Отечественной войны; значимостью представления образа коллективной языковой личности (далее – КЯЛ) комбатантов как составляющей исторической памяти народа; необходимостью понимания психологии поведения людей, их ценностной картины мира в ситуации войны.

Цель настоящей статьи заключается в структурно-функциональном описании этикетных речевых знаков, используемых в письмах с фронта Великой Отечественной войны.

Научная новизна исследования заключается в том, что в научный оборот впервые вводится обширный и малоизученный комплекс неопубликованных ранее эпистолярных источников (фронтовых писем). Речевой этикет писем времён Великой Отечественной войны рассматривается как характеристика коллективной языковой личности комбатанта, которая еще не становилась объектом лингвистических исследований.

Аналізу подвергались речевые этикетные знаки, представленные в письмах жителей Красноярского края, мобилизованных на фронт Великой Отечественной войны (2-4 периоды Второй мировой войны). Подлинные фронтовые письма собирались лично автором исследования совместно с инициативной группой студентов Сибирского федерального университета на территории городов Красноярского края (Канск, Назарово, Енисейск, Уяр и др.). В данной статье иллюстративный материал будет приведен преимущественно из писем, собранных нами в Уяре [13; 14].